

Когда Гарри проснулся, он удивился, не увидев знакомых занавесок своей кровати в общежитии Гриффиндора. Потянувшись за очками, он обнаружил Гермиону, свернувшуюся калачиком у него под боком, под шелковым одеялом. Ее ровное, спокойное дыхание свидетельствовало о том, что она находится в глубоком сне.

Гарри улыбнулся, но улыбка угасла, когда его воспоминания упорядочились. Странная книга, неделя уклонений друг от друга, а потом все пошло как снежный ком. Ковенанты, колдуны... и много "первых" для них обоих.

Они были соединены так, как мало кто когда-либо соединялся. Глубоче, чем физический опыт, Гарри теперь чувствовал инстинктивное понимание разума Гермионы. Сам факт созерцания Гермионы или ее мыслей на какую-либо тему давал Гарри представление о том, что она чувствует и что знает. В этот момент она была расслаблена как никогда, ее сны были окрашены приятными ощущениями и чувством удовлетворения.

Гарри покраснел, чувствуя себя вуайеристом, но потом понял, что в таких познаниях и заключается смысл существования колдуна. После того как они обнаружили свою новую связь, невозможно было не пойти дальше, сбросив с себя усталость и сдержанность, чтобы исследовать ощущения, которые они испытывали друг от друга.

То, что Гарри считал прекрасным первым представлением, переросло в нечто гораздо более интенсивное и страстное. Они точно знали, чего хочет другой от любовника, где прикоснуться, как прикоснуться... Их связь стала еще более дикой, когда они осознали некоторые из своих глубоких перегибов, маленькие шаловливые желания, которые они никогда не хотели исследовать за пределами своих самых приватных моментов.

И стало легче понимать и уважать границы друг друга. Трудно углубляться в односторонние извращения, когда дискомфорт другого так силен в сознании.

К концу Гарри сжал волосы Гермионы в кулаке и стал вбиваться в нее сзади, пока она прижималась к изголовью кровати. Она позволила своему мозгу отойти на второй план и кричала от бездумного удовольствия - его демонстрация доминирования, нежная ласка и похвала возбудили ее так, как он никогда раньше не видел. Она выкрикивала яростные восклицания и демонстрировала жажду его прикосновений, что возбуждало его до глубины души.

Каждый раз, когда он думал, что она выдохлась, она набрасывалась на него с новой силой, и он должен был признать, что, хотя он сторонился популярности и позора, то, что такая красивая женщина, как Гермиона, хотела его так сильно, что потеряла себя в этот момент, невероятно возбуждало его.

Но после нескольких часов занятий любовью, секса и просто траха они оба упали духом. Гермиона рухнула на живот, слишком измученная, чтобы что-то делать, кроме как бормотать о пощаде, а Гарри рухнул на кровать рядом с ней, оба они были мокрыми от пота.

Они погрузились в сон, все еще погруженные в новые ощущения, которые они разделяли. Между ними было понимание, что они по-прежнему друзья, и это значило больше, чем что-либо другое, но теперь они были разными людьми с разными, более глубокими чувствами.

Но в прохладном спокойствии утра - или, возможно, дня - его мысли обратились к стоящим перед ними проблемам. А как же их дружба с Роном? А как же риск? Он иссушил себя в Гермионе, а она с жадностью принимала каждый кульминационный момент в свое лоно. Даже если бы она заверила его, что это будет безопасный день, никаких гарантий не было.

Гермиона начала ворочаться, её приятные сны были омрачены внезапными мыслями об ожесточённых ссорах с Роном или о возможных плохих последствиях неподготовленной беременности.

Гарри понял, что позволил себе слишком много беспокойства. Их связь означала, что его мысли должны быть более дисциплинированными. Это был не просто дар или сила, это была ответственность - вести себя так, чтобы его действия и настроение не влияли на её, и наоборот.

Мысли об ответственности успокаивали любознательную Гермиону, и она погрузилась в более приятные сны. Она мечтала сказать Гарри, что у неё есть его ребёнок, и её страхи развеялись, когда он признался, что так счастлив, что может наколдовать Патронус такой силы, что он навсегда прогонит дементоров со всего мира.

Гарри подумал, что она... что они оба были немного озабочены этой идеей, поэтому он решил заполнить свою голову мыслями об отличных отметках и идеальных результатах тестов, надеясь увести ее мечты от более тяжелых предметов.

Он спустился с кровати, оставив ее под одеялом наслаждаться отдыхом. Его очков и палочки нигде не было видно, они затерялись в путанице простыней. Как раз в тот момент, когда он собирался их искать, палочка сама бросилась ему в руки.

Гарри удивленно уставился на нее. Неужели это сделала Выручай-комната? Любопытствуя, он положил палочку на кровать и стал ждать. Когда ничего не произошло, он нахмурился и мысленно представил себе, как берет палочку из Акцио. Она снова прыгнула ему в руку.

Ухмыляясь, Гарри таким же образом собрал свои очки и одежду. Опираясь на знания Гермионы и множество книг, которые она прочитала, Гарри понял, что творит бесшумную, беспалочковую магию. Это было чрезвычайно продвинутое искусство, которому в Хогвартсе обычно не обучали. Лишь немногие волшебники и ведьмы могли эффективно использовать ее, поэтому специальные занятия были доступны только студентам седьмого курса.

Как же Гарри это сделал? Гермиона говорила, что шабаш не может использовать силы друг друга, только их опыт. Опираясь на эту теорию, Гарри пришел к выводу, что, поскольку

Гермиона не умела пользоваться бесшумной или беспалочковой магией, она много читала о ней и даже пыталась заниматься ею в свободное от учебы время, чтобы проверить свои способности.

<http://erolate.com/book/3075/71788>